

Цинь Ао посмотрел на Вэй Аньюаня и холодно хмыкнул:

— Вэй Аньюань, нечего давить на меня Великим командующим. Другие пусть боятся резиденции командующего, но с чего ты взял, что и я стану перед ней трепетать?

Ци Е гневно вскинул брови, собираясь вскочить, но Е Мянью поспешно обнял его за шею и усадил обратно. Затем он принялся разливать собственноручно заваренный чай Маюнь, поднося каждому по чашке.

Видя, что Е Мянью сам снизошел до того, чтобы услужить им, собравшиеся с обеих сторон не решились отказаться. Они злобно переглянулись и один за другим нехотя поблагодарили его.

Цинь Ао сделал глоток и тут же поморщился:

— Почему он холодный?

Е Мянью усмехнулся:

— Я добавил колотого льда, чтобы остудить ваш пыл.

Присутствующие со вздохом поставили чашки. Е Мянью хлопнул в ладоши, и ожидавший у дверей слуга тут же вошел, почтительно склонившись в ожидании приказаний.

Е Мянью распорядился:

— Принеси нам самого лучшего и дорогого вина, что у вас есть.

Цзян Бэйцинью тоже усмехнулся:

— Вот именно. Кому охота цедить тут с вами чай? Раз уж выпал редкий случай собраться вместе, сегодня мы просто обязаны напиться как следует!

Когда принесли вино, Е Мянью жестом велел сидевшей подле Цинь Ао куртизанке подняться, а сам сел на ее место и налил обоим. Подняв чарку, он произнес:

— Для начала я хочу извиниться перед братом Ао от лица Ци Е. Как ни крути, лежачего не бьют, да и по лицу бить не пристало. То, что он разукрасил соперника, — в любом случае его вина.

Ци Е сердито уставился на него:

— Четвертый молодой господин Е! Ты что творишь?

Е Мянью воззрился на него в ответ:

— А что? Не видишь, сколько народу пришло разгребать твою кашу? Или ты успокоишься, только когда превратишь вашу личную вражду во всеобщую вражду между Императорской академией Гоцзысюэ и Военной академией Бинвуцзянь?

Ци Е крепко сжал губы. Его грудь тяжело вздымалась. Наконец он опустил глаза, налил себе вина и поднял чарку перед Цинь Ао:

— В этом деле я погорячился. Но мои братья по академии тут ни при чем. Сегодня я приношу свои извинения всем присутствующим. А когда раны тех четверых братьев из вашей академии

заживут, я устрою для них отдельный пир, чтобы искупить свою вину.

Договорив, Ци Е залпом осушил чарку.

Видя, что соперник первым пошел на попятную, Цинь Ао не стал упорствовать. Он взял чарку, которую Е Мянью наполнил до краев, и тоже осушил ее одним глотком.

Е Мянью с облегчением вздохнул. Его глаза сощурились в улыбке, превратившись в два полумесяца. Он угодливо обратился к Цинь Ао:

— Брат Ао, какое благородство! Но и вы не должны во всем винить только нас. Вернувшись, вам тоже стоит хорошенько потолковать с теми четырьмя братьями из вашей академии.

— Это еще почему? — Цинь Ао искоса взглянул на него.

— Как почему? — усмехнулся Е Мянью. — Проходить мимо нашего плаца и прямо на глазах у учеников и наставников Императорской академии Гоцзысюэ насмехаться над их навыками верховой езды и стрельбы, да еще и выражаться при этом грязно — разве это не свинство?

Е Мянью холодно хмыкнул:

— На мой взгляд, за такое свинство положено бить. Мы неправы лишь в том, что съездили им по лицам, а иначе с какой стати нам вообще обращать на вас внимание?

Цинь Ао от удивления даже рассмеялся и, повернувшись к Цзян Бэйциню, покачал головой:

— А твой братец зубастый.

Е Мянью снова наполнил чарку Цинь Ао и с улыбкой добавил:

— И ваш тоже, брат Ао.

Цзян Бэйцин проглотил виноградину, которую ему в рот вложила сидевшая рядом куртизанка, и заметил:

— А ведь наш младший прав. Нет дыма без огня, те ваши парни и правда повели себя по-свински. — Договорив, Цзян Бэйцин и сам рассмеялся.

Е Мянью тут же подхватил:

— Да не то слово! По-моему, это было еще и глупо. Всем известно, что в Императорской академии Гоцзысюэ ценят словесность, а в Военной академии Бинвуцзянь — ратное дело. Если бы мы стали прилюдно насмехаться над тем, что кто-то из ваших курсантов пишет трактаты хуже нас, наши наставники от стыда заперли бы нас в Павильоне Синсы еще до того, как вы пришли бы разбираться.

Цинь Ао укололи этими тонкими шпильками, но вспылить он не мог. С Цзян Бэйцинем его связывали давние доверительные отношения, а Е Мянью был скользок, как угорь: только что обнимал тебя и ласково звал братом, а в следующий миг уже безжалостно распекал, не желая уступать ни в чем. Вэй Аньюань же, хоть и хранил молчание, восседал на своем месте с мрачным видом, подобно грозному божеству. Цинь Ао не то чтобы боялся его, но все же предпочитал не навлекать на себя его гнев.

С тех пор как Цинь Ао переступил порог этой комнаты, Е Мянью успел спить ему уже два

кувшина вина, а сам Цинь Ао так и не добился никакого преимущества. Он примиряюще махнул рукой:

— Ладно-ладно! Нам, военным, не тягаться в изящной словесности с вашей Императорской академией Гоцзысюэ, да и языки у нас не так хорошо подвешены. Считайте, на сегодня инцидент исчерпан, больше мы к этому не возвращаемся. А когда раны тех четверых из нашей академии затянутся, соберемся еще раз и во всем разберемся. Кто окажется виноват, тот и принесет извинения.

— Идет!

Все за столом повеселели. Даже Ци Е с облегчением выдохнул и поднял чарку в знак благодарности Е Мянью.

Прислуживавшие им куртизанки и слуги сразу уловили перемену в настроении. Видя, что атмосфера за столом разрядилась, они поспешили велеть музыкантам сыграть что-нибудь более веселое и принялись подливать вино, то и дело вставляя кокетливые шутки.

Раз уж Цинь Ао согласился закрыть тему, разговор быстро перетек в другое русло. Е Мянью лакомился угощениями и прислушивался к беседе. Усмыслив, что Цинь Ао вскоре предстоит сопровождать императорский кортеж в загородные угодья на летний отдых, он из любопытства вставил слово.

Ци Е пояснил:

— Каждый год в это время Его Величество берет с собой принцев и приближенных министров на Летнюю охоту. Это и спасение от зноя, и совместная с народом молитва о богатом урожае в следующем году.

Е Мянью с завистью кивнул.

Цинь Ао продолжил:

— Раз уж это охотничий выезд, наша Военная академия Бинвуцзянь каждый год отправляет туда отряд. От вашей Императорской академии Гоцзысюэ тоже едет несколько человек, но обычно это ученики ступени Кунь, которым скоро предстоит заступить на службу.

Цзян Бэйцин усмехнулся:

— Обычное налаживание связей. Каждый год за эти несколько мест разыгрывается нешуточная борьба.

— А вот в это году от вас едет на редкость много народу, — возразил Цинь Ао. — Я слышал, Императорская академия Гоцзысюэ отправляет не только нескольких учеников ступени Кунь, но и весь Двор Цинань, в котором числится ваш князь Жуннань.

Цзян Бэйцин пренебрежительно фыркнул, но, повернувшись, заметил, что Е Мянью перестал жевать. С набитой щекой тот застыл на месте с совершенно ошеломленным видом. Лишь спустя мгновение он с силой хлопнул по столу, торопливо проглотил еду и разразился ругательствами:

— Ах они старые хрычи! Как отдуваться за всех в Военной академии Бинвуцзянь — так они сразу вспоминают про наш Двор Цижуй! А как ехать прохладиться на курорт — так они

отправляют Двор Цинань! Их любимчики уже скоро лопнут от такой заботы!

Вэй Аньюань тоже помрачнел:

— С какой стати? Если бы по правилам ехали только ученики ступени Кунь, никто бы и слова не сказал. Но с чего это Двору Цинань такие почести? У них что, лица краше, чем у нас?

— Как же меня это бесит! — глаза Е Мяня, и без того покрасневшегося от выпитого, гневно блеснули. Он со злостью добавил: — Ну уж нет, завтра же пойду с ними объясняться. Раз Двору Цинань туда можно, то и наш Двор Цижуй имеет на это полное право!

Вэй Аньюань согласно и решительно кивнул.

Цзян Бэйцин попытался утихомирить его, уговаривая не глупить: не ровен час заместитель министра Е прознает об этом и снова задаст ему трепку.

Зато Цинь Ао пришел в полный восторг и захлопал в ладоши:

— Давай-давай, сходи! Ты как раз отлично сгодишься, чтобы пронять этих старых сухарей. А как приедем на место, я возьму тебя с собой на кабана!

Е Мянь побуянил с ними еще какое-то время, пока хмель окончательно не ударил ему в голову. Под предлогом отлучки в уборную он попросил слугу вывести его наружу, чтобы подышать свежим воздухом и немного протрезветь.

На улице уже окончательно стемнело. Повсюду были развешаны красные шелковые фонари, их яркий свет озарял все вокруг, отчего заведение казалось еще более шумным и оживленным, чем днем. Изредка попадавшие навстречу гости и куртизанки с любопытством поглядывали на юношу, но он не обращал на них внимания. Немного побродив на свежем воздухе и почувствовав, что хмель отступает, он повернул обратно.

Е Мянь следовал за слугой, который вел его через бесконечные переходы и галереи. Он уже начал недоумевать, почему они идут так долго, как вдруг проводник остановился у входа во внутренний дворик и произнес:

— Молодой господин, мы на месте.

Е Мянь кивнул и вошел во двор. Слуга трусцой подбежал к дверям павильона, распахнул их и склонился, придерживая бамбуковую занавеску. Е Мянь перешагнул через порог, но замер как вкопанный, не успев сделать и второго шага.

За столом сидели вовсе не Вэй Аньюань с Цзян Бэйцинем. На их месте расположился заместитель министра Е в окружении нескольких господ. Окруженные куртизанками, они весело разливали вино, поглаживали бороды и перешучивались.

У Е Мяня в одно мгновение кровь застыла в жилах.

Заместитель министра Е вытаращил глаза и уставился на сына так, словно увидел выходца с того света. Он дрожащим пальцем указывал на Е Мяня, не в силах поверить собственным глазам.

Е Мянь оцепенел, и в его голове за доли секунды пронеслись десятки возможных оправданий. Деревянной шеей он повернулся и глянул на улицу — приведшего его слуги и след простыл.

«Какая же тварь меня подставила!» — мысленно взвыл он.

Это было уж слишком подло!

Впрочем, сейчас было не время искать виноватых. Заместитель министра Е уже опомнился.

— Ты?!

— Отец...

— Ты-ы!..

И вдруг под изумленными взглядами сослуживцев отца Е Мянъ со всех ног бросился вперед. Вцепившись в рукав заместителя министра Е, он жалобно запричитал:

— Отец! Матушка велела мне разыскать вас и вернуть в поместье! Пойдемте скорее домой!

Заместитель министра Е ошарашенно вытаращил глаза.

Несколько его коллег неловко закашляли, прикрывая лица широкими рукавами. В глубине души каждый из них вздохнул: «У каждого свои скелеты в шкафу». Вот только как теперь быть, когда они невольно стали свидетелями семейного позора своего начальника? Эх!

Е Хэн смотрел, как в глазах его законного сына вскипают слезы, в которых читались и глубокое разочарование, и обида.

Заместитель министра Е окончательно растерялся и застыл в оцепенении.

<http://bllate.org/book/18289/1753860>